

Александр Куприн

ЮЗОВСКИЙ ЗАВОД

Александр Куприн

Юзовский завод

«Public Domain»

1896

Куприн А. И.

Юзовский завод / А. И. Куприн — «Public Domain», 1896

«Было около полуночи, когда наш поезд подходил к станции Юзовке. Далеко на горизонте, за цепью холмов, виднелось на темном небе огромное зарево, то вспыхивавшее на несколько мгновений, то ослабевавшее. Оно обратило наше внимание еще тогда, когда мы находились верст за двадцать от Юзовки...»

Содержание

Александр Иванович Куприн Юзовский завод

Было около полуночи, когда наш поезд подходил к станции Юзовке. Далеко на горизонте, за цепью холмов, виднелось на темном небе огромное зарево, то вспыхивавшее на несколько мгновений, то ослабевавшее. Оно обратило наше внимание еще тогда, когда мы находились верст за двадцать от Юзовки.

На станции мы нашли экипаж, нечто вроде линейки, с сиденьями по обеим сторонам, поставленной на упругие дроги, заменяющие рессоры. Такой экипаж повсеместно на юге России носит ироническое название «кукушки».

Я и мой спутник Б. сидели рядом на одной стороне «кукушки», а на другой – спиной к нашим спинам – поместился очень грузный мужчина купеческого вида, в длинной чуйке, сапогах бураками и прямом высоком картузе, степенно нахлобученном на глаза.

С полверсты мы проехали молча. Наконец мужчина купеческого вида полуобернулся к нам и спросил:

– По службе на завод-то едете?

– Нет, – отвечал Б., – мы просто из любопытства... Слышали очень много про здешний завод... так вот хотим посмотреть...

– Тэ-эк. А сами-то вы будете из каких? По торговой части или тоже мастеровые люди?..

– Мастеровые. По электрической части, – храбро соврал Б.

– Тэк, тэк... Что ж, конечно, посмотреть всякому лестно. Такого заводища, пожалуй, во всей империи не сыщешь другого. Агра-амадное дело!

– Не знаете ли вы, сколько приблизительно рабочих занято на Юзовском заводе?

– Как вам сказать? В одних шахтах тысячи полторы народу работает, да месячных рабочих тысяч семь, да поденных еще сколько, да от подрядчиков... Тысяча двести подвод пароконных ежедневно работает... Трудно, конечно, с точностью сказать, сколько всего-то народу, однако люди говорят, что тысяч пятнадцать, а то и двадцать будет.

– Неужто так много?

– Да оно и не мудрено-с. Ведь вы подумайте только: пять домен и одна «вагранка»¹ к ним в придачу. А доменную-то как распалили, так она уже пять лет подряд и не тухнет, все ей и подавай и подавай есть. Ну, стало быть, работа ни днем, ни ночью не перестает. От шести до шести. Как отбарабанили дневные рабочие свою упряжку, двенадцать часов кряду, сейчас их ночные сменяют. И так целую неделю. А на другую неделю опять перемена: дневные ночными становятся, а ночные – дневными. И так устроено, что через одно воскресенье каждый рабочий свободен.

– А не знаете ли, какое жалованье получают рабочие?

– Жалованье! Жалованье разное идет. Мастер первой руки два рубля получает, два десять, два с полтиной, второй руки – полтора рубля, рупь. Поденным дают летом восемьдесят копеек, зимой – шестьдесят. Больше всех формовщики получают и монтеры², есть такие, что и по триста рублей в месяц берут. Эти больше из англичан... Страсть, какие расходы. Одного жалованья завод выплачивает в месяц тысяч до трехсот.

– Вот как! Какой же в таком случае у завода оборот должен быть?

– А вот-с какой оборот. В день завод приготовляет двенадцать тысяч пудов одних рельс; это если считать по один рубль восемьдесят копеек за пуд – выйдет двадцать одна тысяча шесть-

---

¹ Вагранка – печь малых размеров для плавления чугуна. (Примеч. А. И. Куприна.)

² Монтер – мастер, собирающий машины. Формовщик приготовляет форму для литья. (Примеч. А. И. Куприна.)

сот рублей в день. А кроме рельс, еще выделывают проволоку, узловое железо, литое железо, гайки, болты. Однако что вы думаете?

– рельсовое-то производство им ведь не больно выгодно, хотя они и получают от правительства субсидию, двадцать копеек на пуд.

– Куда же Юзовский завод поставляет рельсы?

– Главным образом в этом году на Московско-Курскую. На Сибирскую тоже. Ведь эти заводы в начале каждого года от правительства получают наряд: куда именно поставлять рельсы.

Некоторое время мы ехали молча.

– Большущее дело, – заговорил опять наш собеседник. – Вы знаете, сколько земли у завода? Шестнадцать тысяч десятин. Вся земля у светлейшего князя Ливена куплена. И любопытно, как это дело началось. Покойный Иваныч Юз после Севастопольской кампании служил простым котельным мастером в Кронштадте. Ну-с, пришлось ему как-то в конце шестидесятых годов в Екатеринославской губернии побывать; видит, богатеющая земля: и руда, и уголь каменный, и известняк – все, что только хочешь... Он сейчас в Лондон. Подался к одному тамошнему миллионщику, к другому, к третьему да так дело двинул, что в несколько месяцев огромный капитал собрал... И пошла работа. Это ведь не то, что у нас... Взять теперь вот хоть бессемеровы котлы... У нас в России один мастер до них тогда еще додумался, когда англичанам они и не снились. И что же? Куда он ни лез, везде его на смех подымали с его системой. Так он и бросил эту музыку и спился с горя. Однако... прощения просим. Позвольте вам пожелать всего хорошего. Мне здесь слезать...

Он сошел с «кукушки», а мы продолжали наш путь. Чем ближе подвигались мы к заводу, тем больше и больше разгоралось над заводом огненное зарево. Наконец, когда мы въехали на длинную и довольно крутую гору, перед нашими глазами внезапно открылась такая необычайная, такая грандиозная, фантастическая панорама, что мы невольно вскрикнули от изумления. На всем громадном пространстве, расстилавшемся вдали, рдели разбросанные в бесчисленном множестве кучи раскаленного докрасна известняка. На их поверхности то и дело вспыхивали и перебегали сверху донизу голубоватые и зеленые серные огни...³ На кровавом фоне зарева стройно и четко рисовались темные верхушки высоких труб, между тем как нижние их части расплывались в сером тумане, подымавшемся от земли. Разверстые пасти этих великанов безостановочно изрыгали густые клубы дыма, которые смешивались в одну общую, сплошную, хаотическую, медленно ползущую на восток тучу, местами белую, как комья ваты, местами – грязно-сизую, местами желтоватого цвета железной ржавчины. Под тонкими длинными дымоотводами, придавая им вид исполинских факелов, трепетали и метались яркие снопы горящего газа. От их неверного отблеска нависшая над заводом дымная туча, то вспыхивая, то потухая, принимала причудливые, странные оттенки. Железные крупные корпуса доменных печей возвышались в центре завода, как башни легендарного замка. Огни коксовых печей тянулись длинными правильными рядами; иногда один из них вдруг вспыхивал и разгорался, точно огромный красный глаз. Время от времени, когда по резкому звону сигнального молота опускался вниз колпак доменной печи, сбрасывая внутрь руду и уголь, то из устья ее, с ревом, подобным грому, вырывалась к самому небу целая буря пламени и копоти. Тогда на несколько мгновений весь завод резко и грозно выступал из мрака, со своими огромными зданиями, бесчисленными трубами, подъемными колесами, торчащими в воздухе... Электрические огни примешивали к пурпурному свету раскаленного железа свой голубоватый мягкий

---

³ Известковые печи устраиваются таким образом. Складывается из известняка холм величиною с человеческий рост и разжигается дровами или каменным углем. Этот холм раскаляется около недели, до тех пор, пока из камня не образуется негашеная известь. (Примеч. А. И. Куприна.)

блеск. Несмолкаемый лязг и грохот металла вместе с удушливым запахом горящей серы неся с завода нам навстречу.

Казалось, гигантский апокалипсический зверь ворчит там в ночном мраке, потрясая стальными членами и тяжело дыша огнем.

Ни я, ни мой компаньон Б. долго не могли заснуть в эту ночь. Во-первых, из окон гостиницы (конечно, «Европейской»), где мы остановились, была видна вся сказочная иллюминация завода, и мы поминутно вскакивали с постелей, чтобы еще раз на нее поглядеть. А во-вторых, под самым нашим номером, в ресторане, целую ночь довольно скверный оркестрион играл известный романс «Зачем ты, безумная, губишь того, кто увлекся тобой».

Рано утром мы отправились в главную заводскую контору просить разрешения осмотреть весь завод. Нам сказали, что за этим нужно обратиться к управляющему, англичанину. Мы уже не один завод посетили вместе с Б., и, говоря откровенно, испрашивание позволения всегда бывало неприятнейшей частью в наших путешествиях. Правда, мы уже приобрели значительную практику в обращении с «начальством» и были настолько умудрены опытом, что вперед могли сказать, кто как нас примет. Немцы подавляли нас величием своих колоссальных фигур и упорным непониманием самых простых вопросов. Французские инженеры (без исключения евреи) большею частью нам сразу отказывали, и только прекрасный французский язык Б-ова обыкновенно спасал нас, хотя все-таки не избавлял от полицейского глаза проводника. Русские бывали всегда любезны, но только чересчур подробно расспрашивали, кто мы, да откуда, да что нас, собственно, интересует, и в конце концов уже почти дружеским тоном просили нас признаться, по чистой совести, положила руку на сердце, «не корреспонденты ли мы».

Как обращаются с путешественниками «просвещенные мореплаватели», мы еще не знали и были приятно удивлены лаконичной любезностью управляющего. Выслушав нашу просьбу, он показал нам на стулья и сказал:

– Take place⁴.

Потом написал три слова на бланке и, подавая его нам, прибавил:

– If you please⁵.

И больше ничего: ни расспросов, ни генеральского тона. Это нас так тронуло, что и мне и Б. пришла одновременно счастливая мысль – отблагодарить любезного англичанина на его родном языке. Но когда мы сделали это, то англичанин быстро поднял голову и так вытаращил на нас глаза, что я испугался, как бы от нас не отобрали назад пропуска. Однако он, по-видимому, тотчас же убедился в нашей невинности и только засмеялся, показав великолепнейшие белые зубы.

Мы начали осмотр с доменных печей. Представьте себе башню сажен в пятнадцать вышиною, то есть с добрый четырехэтажный дом, и сажен четырех, пяти в поперечнике. Башня эта сложена из огнеупорного кирпича и снаружи обтянута толстым котельным железом; внутри оставлена пустота бочкообразной формы. Пять таких исполинов, выстроенных в ряд, производят очень грандиозное впечатление. Около каждой доменной печи, совсем близко от нее, помещается по четыре «каупера» (рабочие их называют «калуперами»), по четыре железных цилиндра такой же величины, как и доменная печь, но немного уже ее. Каупера, названные так по имени их изобретателя, служат для нагрева воздуха, которым производится дутье. Атмосферный воздух, хотя бы и в самое горячее летнее время, считается холодным сравнительно с температурою (в 1600° по Цельсию) доменной печи. Поэтому, прежде чем ввести воздух в печь, его пропускают по чугунным трубам через каупер, внутри которого горят проводимые туда доменные газы.

---

⁴ Садитесь (англ.).

⁵ Пожалуйста (англ.).

– Скоро ли будет выпуск чугуна? – спросил я одного из рабочих. Рабочий ответил, что из четвертой печи, должно быть, через полчаса начнут выпускать, и даже вызвался нас проводить. Мы пошли узким коридором между доменными печами и кауперами, оглушаемые их непрерывным свистом и гудением, чуть не задыхаясь от серного дыма. По пути рабочий спрашивал нас, дорого ли стоит прожить на Нижегородской выставке недели две.

– А то вот господа Юзы, – объяснил он, – предлагают тем рабочим, что служат на заводе больше двенадцати лет, ехать осматривать выставку. Главное дело, и проезд бесплатный, и с сохранением жалованья... Только мы боимся, что дорого будет. Если бы по пятнадцати рублей с человека издержать можно было, это еще куда бы ни шло...

Из четвертой печи выпускали шлак, нечто вроде пенки, собирающейся под расплавленным чугуном. Из отверстия, в человеческую голову величиной, била широкой струей и стекала по желобу ослепительно-белая жидкая масса. Голубые серные огоньки прыгали от нее в разные стороны и таяли в воздухе. По желобам масса текла сажен семь или восемь, из белой становясь красной и покрываясь сверху корой. Наконец она сливалась в подставленные под желоба котлы и застывала в них, как зеленоватый густой леденец. В десяти шагах этот огненный ручей нестерпимо обжигал лицо. Мы должны были, разговаривая, кричать друг другу на ухо, – так силен был свист, с которым стремился расплавленный шлак вырваться сквозь отверстие доменной печи.

В ожидании выпуска чугуна, наш провожатый предложил нам взобраться на самый верх доменной печи посмотреть, как в нее забрасывают руду и горючий материал. Мы согласились и влезли наверх, следом за ним, по узкой и почти отвесной железной лесенке. Доменная печь и каупера соединены между собою большой сплошной площадкой, имеющей форму креста, посредине – громадное отверстие – устье печи, или «калошник». Калошник прикрыт массивным колпаком, висящим на цепи. Другой конец этой цепи может наматываться на лебедку и таким образом приподымать и опускать колпак. Лебедка защищена железной будкой, так как при подымании вверх колпака из печи вырываются горящие газы.

С площадки под домной виден весь завод как на ладони. Во всех направлениях с короткими свистками мчатся маленькие четырехколесные паровозы, влача за собою на платформах котлы с металлом. На мгновение они исчезают в туннелях под мостами и вырываются оттуда, окутанные облаками пара. Везде, куда ни глянет глаз, тянутся длинные железные красные крыши разных цехов и под ними целый лес пышущих дымом, паром и искрами, больших и маленьких, толстых и тонких труб. Штабели камня и леса, кучи железных и чугунных кусков, пирамиды песка покрывают землю. У самого основания домен, во всю их длину, нагромождены высокие горы руды. Одни рабочие сваливают ее с вагонов-платформ, другие подносят на носилках, третьи наполняют ею вагонетки подъемной машины. От этой красной руды у рабочих и одежда, и лица, и руки, и локти – красные.

Когда две вагонетки наполнены доверху рудой, их вкатывают в ящик подъемной машины, канат которой проходит через два колеса, вращающиеся в железных рамах высоко над доменной печью. Поршень паровой машины приходит в движение, и через несколько секунд полный ящик уже наверху, между тем как на его место опустился сверху пустой.

На площадке над доменной печью работают пять человек. Они быстро вытаскивают вагонетки из ящика, влекут их к устью домны и, переворачивая их, высыпают руду поверх колпака. Когда на колпаке наберется достаточно руды, его опускают на цепях вниз, и руда падает в печь. За слоем руды идет слой каменного угля, потом опять слой руды и так далее. Засыпка не прекращается ни днем, ни ночью, потому что, если доменная печь погаснет, остается только ее разломать. Поэтому каждая незначительная настыль внутри домны, называемая «жуком», может со временем грозить опасностью; большая настыль – «козел» – внушает уже серьезные заботы, а «медведь» вызывает переделку печи. И так как доменная печь работает круглый год, то поневоле должны круглый год работать и шахты, и литейная, и рельсопрокатка.

Когда на колпак уже навалили достаточно руды, один из рабочих зазвонил молотком по железному листу. Наш провожатый поспешно схватил нас за руки и потащил в сторону.

– Отойдите, отойдите подальше. Сейчас будут калошу⁶ забрасывать.

Мы видели, как рабочие принялись вертеть колесо лебедки, видели, как поднялся колпак... но что произошло потом, совершенно не поддается описанию. Площадка, на которой мы стояли, затряслась и заходила под нами, оглушительный рев раздался из недр печи, и из устья ее с бешенством (я не найду другого слова) вырвалось целое море пламени. Несколько секунд я и Б. молча смотрели друг на друга. Не знаю, был ли я так бледен, как мой компаньон, но должен сознаться, у меня в голове мелькнула мысль, что внутри домны произошла какая-то катастрофа и что сейчас огонь разорвет на мелкие части ее железные стены... Но раздался вторично звон сигнального молотка, колпак поднялся, и пламя скрылось с ворчанием, которое долго еще, утихая, слышалось под нашими ногами. Мы вздохнули свободно и стали уверять друг друга, что все это было очень интересно и весело.

Доменные газы, горение которых мы только что видели, обыкновенно не выпускаются из домны, а по особым трубам отводятся в каупера, где продолжают гореть и нагревают проходящий по трубам воздух⁷. Но, отработав в кауперах, горячий газ идет еще в плавильные печи, где раскаляет и расплавляет железо, и уже после всего этого выходит из газоотводов.

Когда мы спустились вниз, рабочие уже приготовились к выпуску чугуна. Один из них – «горновой мастер» – приставил острый лом к небольшой глиняной затычке, закрывавшей отверстие домны. Четверо рабочих, взявшись за длинную чугунную балду и раскачавши ее, ударили по концу лома, потом ударили еще раз, и еще, и еще. Чугун внезапно брызнул ослепительным фонтаном из-под лома. Рабочие разбежались, и жаркая струя цвета огненной охры медленно полилась из отверстия, разбрасывая вокруг себя, точно фейерверк, тысячи больших, трещащих в воздухе звезд. Чугун, не спеша, как будто бы лениво, тек по ровной борозде, сделанной для него в песке литейного двора. Там, где площадь двора оканчивалась отвесной каменной стеной, чугун протекал по желобу и с бульканьем, напоминая сливаемое варенье, лился в котел. Когда два котла наполнились таким образом доверху и их увез маленький паровозик, горновой мастер, посадив на стальную палку кусок мокрой огнеупорной глины, быстро всунул ее в отверстие и загородил выход чугуна...

Операция выпуска чугуна производится в сутки три, четыре, пять и даже до шести раз, когда печь идет «спелым ходом». Из доменной печи жидкий чугун идет или прямо в литейную, если предвидится отливка чугунных изделий, или в бессемеровы котлы для получения литого железа и стали, или в пудлинговые печи для последующего изготовления рельс, или, наконец, отливается здесь же, около домны, в виде неправильных продолговатых кусков, называемых «свинками». Прежде чем пустить чугун в дело, берут в лабораторию его пробу. Для этого рабочий забивает в землю колышек вершков семи-восьми длиной, потом осторожно вытаскивает его наружу и в образовавшуюся пустоту льет из ковшика чугун. Когда масса затвердеет и остынет, ее извлекают из земли, разламывают и отправляют для анализа.

В большом пустом сарае помещаются два бессемеровских конвертора, которые на языке рабочих называются «биксами». Эти котлы напоминают формой грушу, но только острую с обоих концов и сажени в три длиной. У этой груши снаружи, как раз посередине, приделаны две цапфы, которыми она лежит на двух каменных постаментов и на которых может вращаться. Паровоз с котлом, наполненным жидким чугуном, входит в сарай, рабочие лопатками снимают с металла пенку шлака, затем наклоняют котел ручной лебедкой и выливают его содержимое в воронку конвертора. После этого через массу жидкого чугуна пропускают сильную струю

---

⁶ «Калошей» называется опускаемое за один раз количество руды. (Примеч. А. И. Куприна.)

⁷ Атмосферный воздух накачивается особыми машинами в каупера и, выходя из них горячим, идет через отверстия (фурмы) в доменную печь, усиливая ее плавление. (Примеч. А. И. Куприна.)

воздуха. Если желают получить сталь, то процесс бессемерования заключают раньше; литое железо требует более продолжительного обезуглероживания. Внутренность конвертора выложена доломитовым кирпичом с примесью дегтя, подвергнутому предварительному прокаливанию. Готовый металл выпускают из нижнего конца груши в разливные котлы.

Литейная мастерская представляет из себя длинный каменный двухэтажный очень светлый сарай. Чугун, привезенный из доменных печей, выливают в большой разливной котел, привешенный на цепях к ручному крану. Этот котел может подниматься вверх и опускаться, двигаться вперед, назад и в стороны; с помощью лебедки его также можно наклонять носиком вниз. Из разливного котла чугун поступает в тигли, из которых уже выливается в готовые формы. Отливка нескольких тиглей в одну форму требует большого умения, так как струя металла не должна прерываться. Поэтому, прежде полного опорожнения одного тигля, следует начать литье из другого.

Форма готовится из дерева. Работа эта требует большого искусства и навыка, почему формовщики и получают, обыкновенно, весьма значительное жалованье. Приготовленная форма распиливается надвое, и каждая половина ее вытесняется в сырой формовочной земле. Когда земля высохнет, дерево удаляют прочь, обравнивают форму особыми ножичками, смазывают графитным порошком и тогда уже льют в нее чугун. Отлитые таким образом изделия, после их сварки, тщательно шлифуются и проверяются, если надо, по лекалу. Вполне готовыми отливаются в формах из массы железнодорожные колеса, колокола и зубчатые приводы.

Вслед за паровозом, увозившим от доменной печи котлы с чугуном, мы попали в отделение пудлинговых и пламенных печей.

Вообразите себе сарай с круглыми арками вместо окон⁸, с высокой железной крышей, поддерживаемой стальными стропилами и распорками; сарай такой длины, что, стоя на одном его конце, вы видите другой конец, как едва заметный просвет. У правой стены, во все ее протяжение, идет каменная платформа, на которой правильным рядом стоят пудлинговые печи – около двадцати громадных железных ящиков. Левая сторона свободна, и на ней проложены рельсы для движения паровых кранов.

Паровой кран – это небольшой паровозик с вертикальным котлом, узкой трубой и длинным массивным хоботом. Машинист, помещающийся высоко над поверхностью земли, имеет в своем распоряжении около десятка рукояток и ножных педалей, которыми он может придавать крану какие угодно положения. Таких паровых кранов в пудлинговом сарае работает одновременно около пяти или шести.

Привезенный чугун вливается во внутренность одной из пудлинговых печей, где он перемешивается с рудой и флюсом. Когда смесь из тестообразной превратится в жидкую, тогда один из кранов начинает устанавливать около печи штаббы, металлические футляры, пустые внутри, без дна, с петлей на крышке. Он хватает их крючком за петли и ставит у основания каменной платформы. Затем жидкую массу пускают вниз по вертикальным трубам, которые, изгибаясь под землею, другим концом проходят в пустоту штаббы и наполняют ее, как сифоны. Как только металл застынет в штаббе, другой кран хватает ее за петлю, поднимает вверх, и из штаббы вываливается раскаленный добела прямоугольный длинный кусок стали. Третий кран берет эти куски и наваливает их на платформу, прицепленную к четвертому. Четвертый кран подвозит их к подземным пламенным печам и один за другим опускает в открываемые подземные люки, наполненные горящим газом. Наконец, пятый вытаскивает раскаленные штуки из пламенных печей и тащит их в щипцах к громадному, вращающемуся со страшной быстротой зубчатому колесу, которое разрезает их на две части в длину, как куски мягкого пряника.

---

⁸ Говоря об окнах, я подразумеваю отверстия в стенах. Рам и стекол в этих окнах мы нигде не заметили, что и понятно, принимая во внимание очень высокую температуру и угар, идущий от железа. (Примеч. А. И. Куприна.)

Из-под ножа куски стали поступают в сварочные печи и вслед за тем на рельсопрокатные вальцы. Я уже описывал в «Киевлянине» Дружковскую рельсопрокатку и потому не хочу больше повторять ее, тем более что вальцы Дружковского завода представляют собою последнее слово обработки стали на товар⁹.

Да кроме того, и я и Б. совершенно ошалели от этого адского грохота, невыносимого угара и непрестанного судорожного движения. Каждую минуту мы слышали за своими спинами крик: «поберегись» и едва успевали отскакивать в сторону, как мимо нас двое рабочих бегом тащили на тележке раскаленную двадцатипудовую штуку стали, обдававшую нас угаром. Мы изнемогали от жажды, но не могли удовлетворить ее теплой водой, которую нам радушно предлагали мастера. По временам, ступая на землю, мы сквозь обувь обжигали себе подошвы ног. В горле и в груди мы чувствовали осадок сернистого дыма и угара. И мы дивились терпению рабочих, которые спокойно работали, чуть не касаясь лицами раскаленного металла.

Последнее, что обратило на себя наше внимание в этот день, – была машина, приготовляющая гайки, – нечто вроде двух громадных, железных, регулярно чавкающих челюстей. Рабочие, накалив в горне длинную стальную палку, суют ее в эту раскрытую пасть. И чудовище, методично откусывая куски красного мягкого металла, тотчас же выплевывает их в виде готовых гаек. Потом перед нами промелькнул токарный цех, где одни колеса вертелись с поразительной быстротой, а другие делали по одному обороту в минуту. И те и другие оставляли на полу медные и железные стружки в виде длинных, правильных, красивых спиралей. Потом мы видели паровой молот, сплюсчивающий одним ударом, как кусок воска, разогретую штуку чугуна весом в пять или шесть пудов. При этом нам объяснили, что с такою же легкостью этот семисотпудовый молот может разбить обыкновенный орех, не тронув его зернышка.

В конце концов от массы впечатлений у Б. закружилась голова, и он начал заговариваться. Тогда я увел его с завода домой, в «Европейскую» гостиницу, где мы подкрепили наши силы двумя ломтями жареной сапожной кожи, по ошибке названной в обеденной карточке: «филе сое пекан».

На другой день, рано утром, мы пошли в горную контору завода попросить разрешения осмотреть каменноугольную шахту. Горный инженер Я., весьма любезно принявший нас, вручил нам записку, предлагавшую старшему десятнику центральной шахты «спуститься вниз вместе с подателями и показать им работу угля в ближнем забое».

– Рекомендую вам, господа, – сказал г. Я. на прощанье, – одеться во все самое старое и, тотчас же по возвращении домой, переменить белье и обувь. Иначе вы рискуете схватить такой насморк, что потом и сами не рады будете.

Мы поблагодарили инженера за его предупредительность и направились к центральной шахте.

Шахта – огромное каменное здание с двух этажах. На крыше его возвышаются два колеса, приблизительно около сажени в диаметре. По желобкам этих колес скользят канаты, спускающие в шахту и поднимающие из нее вагоны. В ожидании старшего десятника мы осмотрели отделение паровой машины. Два поршня, ходящие в цилиндрах, обитых деревянными планками, приводят в движение гигантский маховик. Поршни, в свою очередь, приводятся в движение двумя рукоятками, которыми управляет машинист. Машинист сообразует свои действия с указаниями стрелки, ходящей по диску и означающей своим положением относительное положение опускаемого вагона. Один и тот же канат скользит и по маховику и по колесам над шахтой.

– Скажите, пожалуйста, как велика окружность маховика? – спросил я машиниста.

– Восемь сажен.

– А сколько он делает оборотов, чтобы опустить вагон?

---

⁹ См. № 147 «Киевлянина» за 1896 год (Примеч. А. И. Куприна.)

– Он делает семнадцать с лишним оборотов.

– Позвольте... Это значит, что центральная шахта идет в глубину на... на...

– На сто тридцать сажен без малого. Иными словами, на девятьсот десять футов. При этой солидной цифре мы с Б. переглянулись, и он, точно угадывая мою мысль, спросил:

– Вероятно, все-таки при спусках бывают несчастные случаи?

– О нет. Канаты стальные, надежные, спуск и подъем производятся по сигналам. Вот, посмотрите, сейчас снизу дадут знать, что вагон готов.

Укрепленный над дверью молоток звонко стукнул по железной дощечке. Машинист двинул рукоятку, и маховое колесо завертелось, наматывая канат. В то же время стрелка на указанном диске стала плавно двигаться по окружности. Пришел десятник, худой и мрачный мужчина. Он прочел записку инженера и пригласил нас следовать за собою.

– Вам сейчас дадут лампочки и клеенчатые плащи, – сказал он по дороге. – Кроме того, попрошу вас оставить спички наверху, если они у вас есть. Такое правило.

Следуя за десятником, мы зашли в ламповое отделение. Там человек двадцать рабочих сидело за столом, наполняя лампочки деревянным маслом, вставляя новые фитили и чистя стекла. Готовые лампы они вешали на занумерованные крючки, каковых, по-видимому, было несколько больше шестисот.

Лампочка представляет из себя стеклянный цилиндр, обтянутый частой металлической сеткой с острым крючком наверху. Когда лампочка совершенно снаряжена, то в запирающее ее ушко влагается свинцовая пломба и расплющивается в нем щипцами. После этого лампочку нельзя открыть без помощи тех же щипцов. Принимаются такие меры во избежание взрывов гремучего газа, обильно накапливающегося в каменноугольных шахтах.

Мы взяли свои лампочки, оделись в плащи с капюшонами, закрывавшими голову, и пошли к главному «стволу» шахты. Там уже дожидали нас пятеро шахтеров, которые должны были спуститься вместе с нами.

Я заглянул в отверстие ствола. На меня пахнуло сыростью, но я ничего не увидел, потому что подъемные вагоны ходят вверх и вниз, совершенно плотно прилегая к пазам, проделанным в стенках ствола.

Почти каждую минуту снизу подымался вагон, нагруженный двумя тележками угля. Верхние рабочие тотчас же ставили эти тележки на рельсы, сцепляли их по четыре зараз и припрягали к ним лошадь, которая тащила их крупной рысью.

Вагоны подымались совсем мокрыми, и с цепей, соединявших их с канатом, капала вода. Показываясь на поверхность, вагоны механически приподнимали барьер, окружавший отверстие ствола, а опускаясь, также механически его захлопывали.

Старший десятник подал ударом молотка условный знак вниз: «Люди спускаются». Наверх поднялся пустой вагон. «Выходите скорее», – сказал нам десятник, и мы очутились в тесной мокрой клетке среди шестерых угрюмых, молчаливых шахтеров.

Послышался звон молотка. Пол вагона заколебался под нашими ногами.

Хлопнула упавшая решетка барьера. «Не лучше ли оставить эту затею? – мелькнуло у меня в голове. – Мир так хорош, жизнь так коротка и прекрасна, солнце такое яркое. Может быть, еще не поздно сделать вид, будто бы забыл в номере бумажник, и выскочить из клетки... Вот и Б., вероятно, того же мнения, недаром же он так крепко вцепился рукою в плечо десятника».

И вдруг я почувствовал необычайную, почти невыносимую легкость во всем теле.

Мне показалось, что сию секунду я должен повиснуть в воздухе. Вагон летел вниз со страшной быстротой... Сначала в просветы клетки мелькала какая-то круглая стена из серых кирпичей. Потом стало темно. Я качался на ослабевших ногах, и сердце замирало у меня в груди.

Потом... я никогда не забуду этого ощущения... мне стало душно, и в ушах появилась острая боль, точно вся кровь прихлынула к барабанной перепонке. В тот же момент вагон, не останавливаясь, так же плавно и так же быстро понесся наверх.

– Послушайте... мы поднимаемся? – воскликнул Б. дрожащим голосом.

– Ничего... ничего, – успокоил его шахтер, стоявший с ним рядом. – Это обман такой... стало быть... всем так кажется, когда вагон на середине...

Это было странное зрелище. Узкая клетка, несущаяся не то вверх, не то вниз... девять человек, прижавшиеся в мраке друг к другу... красноватый свет лампочек, блиставший на мокрых черных стенках вагона... общее молчание... глухой шум скользящего каната...

Вагон вдруг опять начал падать вниз, а через секунду толчок, заставивший всех нас подпрыгнуть, убедил меня, что мы остановились. Мы вышли из клетки, орошаемые крупным проливным дождем. Это падали собиравшиеся в главном стволе грунтовые воды... Шахтеры, ставившие в вагоны тележки, работали здесь в клеенчатых плащах, по которым звонко и часто барабанили капли.

Пройдя с десятков шагов, мы были уже на сухом месте, под широкой каменной аркой главной продольной шахты. Хотя воткнутые в ее стены трехсветные коптящие факелы и освещали дорогу, но первое время мы стояли неподвижно, ничего не видя. То и дело старший десятник дергал нас за рукава; мы сторонились, и мимо нас, совсем близко, пробегала лошадь, влача за собою по рельсам три-четыре вагончика с углем. Эти несчастные животные, раз спущенные в шахту, так там и остаются до конца своих дней. На глубине девятидесяти футов для них устроена конюшня, и они так привыкают к мраку, что отлично ориентируются во времени: когда наступает шесть часов, конец упряжки, лошадь сама уже неудержимо стремится в конюшню и находит туда дорогу из самой отдаленной штольни.

Когда мы прошли шагов двести, каменный свод кончился, его заменил деревянный, бревенчатый, покоящийся на таких же стенах. Было свежо и душно, как в бане, и по нашим лицам струился пот. Где-то за стеною журчала вода. Ощущение было такое, как будто бы мы зашли ночью, в незнакомом доме, в неосвещенный погреб и чего-то ищем.

То и дело далеко во мраке показывалась красная огненная точка. Точка приближалась и росла... Через несколько минут мы уже слышали шум колес, скользящих по рельсам, мы сторонились, и мимо нас пробегала лошадь, таща за собою тележки, на одной из которых сидел шахтер с лампочкою в руках.

Дорогою старший десятник объяснял нам расположение шахты. Кроме продольных, есть еще шахты верхние, нижние и поперечные. Наклонный ход, соединяющий две шахты, называется «штольней», широкий и очень низкий проход, устроенный только с целью разработки материала, носит название «лавы», узкий тупик – «печка». В отдаленных штольнях нельзя работать лошадьми, и потому приходится тележки поднимать и опускать руками или воротом на канатах. Когда весь уголь из шахты выбран, а работа уткнется в «породу», тогда из дальних пунктов возвращаются к стволу, уничтожая подпорки и вынимая остатки угля. Таким образом, шахта постепенно заваливается и, наконец, окончательно бросается. Говорят, что угля в юзовской шахте хватит еще лет на двадцать, хотя она и разработана на полторы версты в длину. Когда нам все это рассказывал старший десятник, голос его звучал глухо и уныло, точно в пустой бочке, а красные мутные полосы света от наших ламп бегали и дрожали на потолке шахты.

Наконец, пройдя версту с лишним, мы очутились в ближнем забое. Трое рабочих, нагие до пояса и черные, как негры, отрывали слой угля аршина в полтора вышиною. Они уже проделали довольно длинный ход и теперь сидели в нем скорчившись и с трудом отбивали куски угля. Их лампочки были зацеплены крючками в уступы породы.

За свой труд шахтеры получают по 1 руб. и 1 руб. 10 к. за двенадцать часов «упряжки». В некоторых местах есть работа с кубической сажени, но условий ее нам, к сожалению, узнать не пришлось.

Мы пробыли в шахте всего с полчаса, но нам уже стало невтерпех. Воздуха было мало, подземная тишина утомила нервы, тупая, безграничная скука сдавливала сильнее и сильнее душу. Чем ближе подходили мы к стволу, тем шире и чаще становились поневоле наши шаги... Наконец мы опять под каменной аркой... Принимаем вторично маленький душ... Слышим звон сигнального молотка и летим вверх. На полдороге та же боль в ушах... вагон быстро падает вниз (но мы уже не верим ему, зная его любовь к мистификациям)... Грудь дышит сильнее и глубже, сердце бьется нетерпеливо и крепко, как перед любовным свиданием... И вот, ослепляя нам глаза, льется сверху золотой свет... Нет, положительно всех ипохондриков, меланхоликов, неврастеников, всех больных детей XIX столетия я советую докторам отправлять на полчаса в глубокие шахты. Поднявшись наверх, эти бедняки, наверно, горячо обрадуются кусочку зеленой травки, освещенной солнцем.

На другой день мы уехали. А *groros*¹⁰: два слова по адресу Екатерининской железной дороги. Там иногда ходит один пассажирский поезд в сутки, иногда два, а иногда один в четыре дня. Если же вы будете глядеть на расписание поездов, то ничего не поймете. Вы увидите (как в рассказе Д.-К. Джерома) поезда, идущие со станции, но неизвестно куда направляющиеся, увидите поезда, бог весть откуда пришедшие на станцию, и, наконец, убедитесь, что поезд, отошедший со станции в шесть часов утра, приходит на следующую станцию в пять с половиной часов утра того же самого дня. Но того поезда, с которым вам надо ехать, вы не найдете.

---

¹⁰ Кстати (*фр.*)